

Лучано Паваротти дал свой прощальный концерт в Москве

Церемония вхождения публики в Кремль на концерт Лучано Паваротти в воскресенье вечером по кремлевской традиции превратилась в зрелище не менее примечательное, чем сам концерт. У Кутафьей башни сустились «проводники» — люди, которые за небольшое вознаграждение без очереди готовы были провести продрогших граждан через контроль и металлоискатели. Граждане дрогли, но продолжали стоять в очереди, им очень хотелось увидеть Паваротти, да еще и в последний раз.

Известия — 2003 — 23 дек. — с. 13.

Михаил ФИХТЕНГОЛЬЦ

Из-за проблем со входом и неразберихой с билетами для журналистов на концерт я попал с опозданием, но тем сильнее было удивление от увиденного. Не зная о том, что именно должно происходить в этот вечер в Кремле, я бы в первую очередь подумал, что попал на гражданскую панихиду по какому-нибудь важному государственному лицу. Беспросветный мрак в зале. Скорбно-красные и черные тона, преобладающие в оформлении сцены. Тишина в рядах зрителей и

медленная и печальная музыка, разливающаяся из динамиков по всему огромному пространству, причем исполнение этой музыки, как часто в таком случае, — весьма посредственное (для не упомянутого в программке симфонического оркестра Гостелерадио инкогнито сослужило, впрочем, хорошую службу). Пожалуй, единственным отличием от упомянутого мероприятия было наличие в инструментальной звуковой каше хрупкого и пронзительного тенорового голоса. На протяжении вечера этот голос не раз пропадал, дрожал на верхних нотах, переходил в затяжной ка-

шель и сбивался на полусшепот. Его обладателем был тот самый человек, ради которого публика до краев наполнила темный зал-стадион.

Собственно, описывать произошедшее более не имеет смысла. Каждый получил от концерта то, что хотел. Паваротти — возможность лишний раз искупаться в восторженных овациях публики. Сама публика — шанс побыть два часа в одном помещении с легендой. Меломаны — лишнее подтверждение того, что голос «короля верхнего «до», как восторженно называла итальянского тенора пресса в начале 70-х, уже давно принадлежит истории, а не современности. Критики — повод для раздражения, потому что в этот же день на «Декабрьских вечерах» состоялся концерт изумительного баса Роберта Холла, который они вынуждены были пропустить.

То, что Паваротти — один из титанов мировой оперы XX века (но

уже не XXI), его нынешнее выступление не подтвердило и не опровергло, и изгаляться над тем, что в своем финальном номере — застойной песне из «Травиаты» — он в очередной раз потерял голос, было бы неблагородно. От 68-летнего человека, с трудом передвигающегося по сцене и опирающегося на плечо своего дирижера Леона Маджиера (или абсолютно безликой партнерши-сопрано Симоны Тодеро), нельзя требовать темперамента и вокальной рыти Неморино, Рудольфа, Альфреда и других оперных юнцов, которым он воздавал дань в тот вечер. Можно лишь подивиться тому, что этот столь щедро одаренный человек за долгие годы своей фантастической карьеры допустил всего лишь одну ошибку — не сумел эту карьеру вовремя завершить.

Впрочем, этим талантом — уйти вовремя со сцены — обладают единицы. У Паваротти не было

никакой мотивации делать этого раньше. Нет ее и теперь. Он любим миллионами, его благотворительные акции помогают лучше жить бедствующим во всем мире, альбомы распродаются рекордными тиражами. Мир оперы для Паваротти мал во всех отношениях — с его энергией в нем было не развернуться, а общественная деятельность давала его стареющему голосу нужный резонанс. Поэтому и сейчас, когда, кажется, былой оперный миф не воскресить, уходить все равно мучительно больно. Впереди — полторагодовой прощальный тур по «местам боевой славы», завершающийся в день 70-летия певца (12 октября 2005 года), и... возможное возвращение в Москву. Может быть, уже не соло, но с проектом «Паваротти и друзья». Он привык потакать своим желаниям, поэтому, попрощавшись, может так и не уйти.

НАДЕЖДА ЛЕБЕДЕВА

Лучано Паваротти на всякий случай сказал москвичам: «ЧАО!»

12.2003